

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82.0

DOI: 10.31249/litzhur/2022.56.07

А.Н. Николоюкин

С.П. ШЕВЫРЁВ О СМЕШНОМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Впервые тема смеха в Древней Руси прозвучала в статье С.П. Шевырёва «Теория смешного, с применением к русской комедии» (1851) и в его книге «История русской словесности» (1846–1860), где он вполне открыл перед читателем древнерусскую литературу и где смеховое начало проходит как одна из постоянных черт древнерусской и новой русской литературы. Первым русским «юмористом» назван Даниил Заточник (XII в.), мастер «плачущего смеха и улыбающейся грусти», у которого, пишет Шевырёв, грусть и добрый смех глубоко слились воедино. Именно со смехом Даниила Заточника сравнивается «светлоразумный» смех Гоголя. Все русские комедии – Фонвизина, Грибоедова, Гоголя – Шевырёв рассматривает как явления смешного, светлого смеха, что направлено против весьма устойчивой в науке тенденции видеть в каждой великой комедии прежде всего сатиру, обличение. В трудах Шевырёва то, что позднее обозначалось понятием «смех», выражалось словом «смешное».

Ключевые слова: русская литература; смех; смешное; комедия; С.П. Шевырёв; Н.В. Гоголь.

Получено: 20.02.2022

Принято к печати: 10.03.2022

Информация об авторе: *Николоюкин* Александр Николаевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Нахимовский пр-т, 51/21, 117418, Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7831-5473>

E-mail: anikolyukin1928@yandex.ru

Для цитирования: *Николюкин А.Н.* С.П. Шевырѐв о смешном в русской литературе // Литературоведческий журнал. 2022. № 2(56). С. 112–124. DOI: 10.31249/litzhur/2022.56.07

Aleksandr N. Nikolyukin

**S.P. SHEVYREV ABOUT THE LAUGHTER
IN RUSSIAN LITERATURE**

Abstract. For the first time the topic of laughter in Ancient Russia was voiced in an article by S.P. Schevyrev “The Theory of the Ridiculous, with Application to Russian Comedy” (1851) and in his book “History of Russian Literature” (1846–1860), where he completely opened ancient Russian literature to the reader. In this book the notion of laughter comes through as one of the permanent features of Old Russian and modern Russian literature. Shevyrev calls Daniil Zatochnik (12th century), the master of “weeping laughter and smiling sadness”, the first Russian humorist and compares the lucid laughter of Gogol with Daniil’s humor and laughter. All Russian comedies (by Fonvizin, Griboedov, Gogol) Shevyrev considers as phenomena of funny, bright laughter. This is directed against the old tendency in literary studies to see in every great comedy first of all a satire, a denunciation. In the works of Shevyrev the concept of laughter was expressed by the word “funny”.

Keywords: Russian literature; laughter; funny; comedy; S.P. Shevyrev; N.V. Gogol.

Received: 20.02.2022

Accepted: 10.03.2022

Information about the author: *Aleksandr N. Nikolyukin*, DSc in Philology, Principal Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Prospekt, 51/21, 117418, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7831-5473>

E-mail: anikolyukin1928@yandex.ru

For citation: Nikolyukin, A.N. “S.P. Shevyrev About the Laughter in Russian Literature”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 2(56), 2022, pp. 112–124. DOI: 10.31249/litzhur/2022.56.07

Жанрообразующим началом для комедии является смех. Из этого исходит С.П. Шевырѐв в своей работе «Теория смешного», имеющей подзаголовок «С применением к русской комедии» [12]. Он впервые в русском литературоведении обратился к смеху в Древней Руси. Это обстоятельство было забыто в последующих работах исследователей древнерусской литературы. Сме-

ховой элемент Шевырѐв видит в пословицах, притчах, в «Слове Даниила Заточника», в сказании о Муромском воеводе Дракуле, в посланиях Грозного, в песнях, собранных Киршею Даниловым. И конечно в комедиях Фонвизина, Грибоедова и Гоголя.

Шевырѐв исходит из известного суждения Гоголя о том, что единственным честным, благородным лицом в «Ревизоре» был смех, и целиком приводит слова об этом из гоголевского «Театрального разезда после представления новой комедии» (1840): «Мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пиесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во все время продолжения ее. Это честное, благородное лицо был – смех. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на низкое значение, которое дается ему в свете. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на то, что доставил обидное прозвание комику, прозвание холодного эгоиста, и заставил даже усумниться в присутствии нежных движений души его. Никто не вступился за этот смех» [7, с. 467].

Смех начинается с первых страниц «Мертвых душ». Читатель это как-то не сразу осознает. Сначала два русских мужика, стоявшие у дверей кабака, сделали кое-какие замечания о колесе экипажа Чичикова. Затем молодой человек «во фраке с покушеньями на моду». Потом комната с тараканами, «выглядывающими, как чернослив, из всех углов и дверей». Всё повествование, особенно главы о Коробочке и Ноздрѐве, строятся на понятии смешного. Культурой смеха пронизана вся книга, вплоть до фантастической птицы-тройки, венчающей роман. Когда-то в прежние времена это называли острой сатирой на помещичий строй царской России.

Смех Гоголя в основе своей глубоко гуманистичен. «Во глубине холодного смеха могут отыскаться горячие искры вечной, могучей любви. И почему знать, может быть будет признано потом всеми, что в силу тех же законов, почему гордый и сильный человек является ничтожным и слабым в несчастье, а слабый возрастает, как исполин, среди бед, в силу тех же самых законов, кто льет часто душевные, глубокие слезы, тот, кажется, более всех смеется на свете!..» [7, с. 470]. Гоголь говорит, что за смехом комедии скрываются в душе слезы, и они скрываются в душе каждого доброго и честного гражданина, который смеется наружно

над неразумными пороками в обществе и внутренне скорбит о том вреде, который ими наносится. Вместе с тем, считает Шевырѐв, никто из комиков наших не доводил нелепости речей до такой чудной поэзии, до какой доводил ее Гоголь.

Гоголь – один из самых загадочных русских писателей, о чем писал еще В.В. Розанов. Критики пытались объявить его смех сатанинским, чуждым человеческому бытию. Договаривались до того, что таких людей, как изображенные в «Мертвых душах», никогда не было и не могло существовать.

У Шевырѐва рассматриваются два вида смеха¹. Смех фарса есть смех пустой, забавный, скоропогасающий, преходящий и внутри холодный; смех глубокий, скрывающий слезы, имеющий всегда истинно-важное значение, смех, очищающий человека от всего неразумного в пользу разумного. Одно из верных средств отличать смех фарса от смеха комедии является время, которое дает свою оценку произведению. Фарс, смешивший несколько недель или месяцев, не смешит более и проходит, тогда как комедия истинно художественная заключает в себе хохот всегда живущий. Комедии Аристофана, которые связаны с народом греческим одними условиями жизни и которые для нас в этом отношении совершенно чужды, остаются смешными, как смешно всякое неразумие человеческое, в каком бы оно народе ни происходило. Так действуют комедии Мольера и будут действовать комедии всякого истинного художника, отмечает Шевырѐв.

В комедиях «Недоросль» и «Бригадир» Д.И. Фонвизина нам доставлено наслаждение, считает Шевырѐв, «неразумными речами» всех дураков низшего и высшего общества. «Нельзя не удивляться его гению в том, как он умел из человеческих глупостей соткать художественное целое и извлечь наслаждение, – как он умел сосредоточить все это неразумное и нелепое для того, чтобы мы сами в себе ощутили сильнее способность быть разумными» [12, № 1, с. 118].

¹ См.: Ратников К.В. Два подхода к интерпретации категории комического: взгляды С.П. Шевырѐва и Н.Г. Чернышевского // Известия высших учебных заведений. Уральский регион (Челябинск). 2009. № 4. С. 64–71. Наиболее значительной работой в современном изучении наследия Шевырѐва остается исследование К.Ю. Лаппо-Данилевского «Шевырѐв и Винкельман» (Русская литература. 2002. № 2. С. 3–27; № 4. С. 61–88).

В исследовании теории комического Шевырёв обращается к определению смешного у Аристотеля в «Поэтике»: «Комедия, как мы сказали, это воспроизведение худших людей, но не во всей их порочности, а в смешном виде. Смешное – частица безобразного. Смешное – это какая-нибудь ошибка или уродство, не причиняющее страданий и вреда, как, например, комическая маска. Это нечто безобразное и уродливое, но без страдания» [3, с. 53].

У Шевырёва это выражено более описательно и сжато: «Аристотель в своей “Пиитике”, говоря о комедии, дал следующее определение для смешного. “Комедия, – говорит он, – есть представление чего-нибудь низкого, но не всегда порочного, а того постыдного, которое производит смешное, ибо *смешное есть какая-нибудь ошибка, что-нибудь постыдное, но безвредное*. Так, например, смешное лицо будет дурное, искривленное, но без вреда”» [12, № 1, с. 108].

Исходя из комедий Грибоедова и Гоголя, Шевырёв считает, что у нас нет комедий характера (Мольер) и комедий интриги (Бомарше). Благодаря праздности светского общества комедия сплётен начинает из действительности переходить на сцену. Примером тому может служить Чацкий, объявленный сумасшедшим. Такое определение жанра комедии Грибоедова характерно для современника, почти две сотни лет назад видевшего первые спектакли «Горя от ума». Впечатление современника всегда существенно отличается от установившегося в последующие времена взгляда и общей оценки.

Прежде чем излагать свои представления о комическом, Шевырёв анализирует историю этого понятия. Он читает книгу английского философа У. Гоббса «Левифан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651). В девятой главе этой книги Гоббс один из первых писал о понятии «смех»: «Внезапная слава. Смех. Внезапная слава есть страсть, производящая те гримасы, которые называются смехом. Она вызывается у людей или каким-нибудь их собственным неожиданным действием, которое им понравилось, или восприятием какого-либо недостатка или уродства у другого, по сравнению с чем они сами неожиданно возвышаются в собственных глазах. Эта страсть свойственна большей частью тем людям, которые сознают, что у них очень мало способностей, и вынуждены для сохранения ува-

жения к себе замечать недостатки у других людей. Вот почему много смеяться над недостатками других есть признак малодушия. Ибо людям, обладающим душевным величием, свойственно помогать другим и избавлять их от насмешек, а себя сравнивать лишь с наиболее способными. Внезапный упадок духа. <...> Никто не смеется над старой шуткой и не плачет из-за старого несчастья» [5]. В «Трактате о человеческой природе» (1640) Гоббс еще подробнее писал о природе смеха»: «13. Существует еще страсть, которая не имеет имени, внешним выражением которой является изменение физиономии, называемое нами смехом и всегда выражающее радость. Но до сих пор никто не мог объяснить нам, каков характер этой радости, что мы думаем и по какому поводу мы торжествуем тогда, когда смеемся. Опыт опровергает мнения тех, кто утверждает, что эту радость возбуждает остроумное слово или шутка, ибо люди смеются по поводу какого-нибудь злоключения, по поводу какой-нибудь глупости и непристойности, в которых нет ни грана шутки, ни грана остроумия. Так как вещь перестает быть смешной, когда она становится обычной, необходимо, чтобы то, что возбуждает смех, было ново и неожиданно. Мы часто видим, что люди (особенно такие, которые жаждут похвал всему, что бы они ни делали) смеются по поводу собственных действий, хотя то, что они говорили или делали, вовсе не было для них неожиданным; мы часто видим также, что люди смеются по поводу собственных шуток. В этом случае очевидно, что страсть смеха имеет своим источником внезапное представление смеющегося о некоторых своих талантах. Люди смеются также над слабостями других, так как воображают, что эти чужие слабости лучше всего могут оттенить и подчеркнуть их собственные преимущества. Они смеются также, слушая шутки, остроумие которых состоит лишь в том, что они в такой форме открывают и сообщают нам некоторые нелепости, совершаемые другими людьми. И в этом случае страсть смеха имеет своим источником внезапное представление о нашем превосходстве и значимости» [6].

Еще с большим вниманием обращается Шевырѐв к мыслям немецкого писателя Жан Поля (Рихтера), который в «Приготовительной школе эстетики» (1804) дал свое определение смеха: «Ирония, юмор, комическое выступают в сопровождении Witz, слагаясь вместе с ним в широкий принцип построения мира. Ко-

мическое может отсутствовать в данном конкретном месте произведения, но оно все равно всегда под рукой: Witz никогда не дает естественно-органическую, но всегда – странную связь вещей, а эта связь поражает, потрясает и нередко вызывает смех как реакцию внезапности, изумления своей изощренной изобретательностью» [8].

Говоря о смешном, Жан Поль обращает внимание на то разнообразие ощущений, которое оно доставляет. Критику мнений начинает он с Канта. Кант определяет смешное разрешением какого-нибудь ожидания в ничто. На это возражает Ж.П. Рихтер тем, что не всякое ожидание, переходящее в ничто, вызывает смех. Шевырёв вспоминает слова И. Канта о смехе, высказанные в «Критике способности суждения» (№ 54): *«Смех – это аффект, возникающий из внезапного превращения напряженного ожидания в ничто. Именно это превращение, которое для рассудка безусловно не радостно, все же косвенно вызывает на мгновение живую радость»* [11].

Жан Поль более доволен определением Аристотеля, чем Кантовым: оно, по его мнению, ближе подходит к истине, однако не вполне. Шиллер говорит, что смешным бывает предмет тогда, когда представляется нам ниже того, чем на самом деле он есть. Жан Поль возражает Шиллеру, указывая на предметы, которые тем самым и производят смех, что совпадают совершенно с действительностью. Чтобы определить смешное, по мнению Жана Поля, надобно определить сначала то, что ему противоположно, а смешному противопоставляется высокое. Смешное есть враг высокого. Подтверждение тому находится в русской литературе.

Во второй части своей статьи Шевырёв обращается к смеху в древнерусской литературе. «Наш первый юморист» [13, с. 423], как он назвал Даниила Заточника, был мастером «плачущего смеха и улыбающейся грусти» [там же]. «Слово Даниила Заточника», где грусть и добрый смех так глубоко слились воедино, смех над самим собою, как проявление дурачества, – все это постоянный предмет смеховой культуры.

«Рассмотрим теперь содержание самого “Слова”, – предлагает Шевырёв. – Вникнув в него глубже, мы увидим в нем не одно случайное сплетение остроумных изречений, а все приемы хитрого русского человека, который глубоко знает входы души

человеческой и сознательно идет к своей цели. Сначала веселит он Князя своими остроумными шутками; расположив его к веселью, глубже трогает его чувство изображением своего состояния, и потом уже, овладев его сердцем, является перед разум его с смелой мыслью и словом» [13, с. 423].

Внимание к смеховому началу отличает «Историю русской словесности» Шевырёва, впервые обратившегося к фронтальному, целостному изучению литературы Древней Руси. «Слово Даниила Заточника» обнаруживает черту южнорусского характера, юмор, который кроется в столь далекой традиции. В «Слове Даниила», «отстоящем на семь веков от нашего времени, мы встречаем первое проявление того дурачества, южнорусского юмора, который только в наше время достиг у нас полноты своего развития. Так необходимо изучение этих первых начатков нашего Слова, которые снаружи кажутся незначительны, а между тем таят в себе первородные черты Русского духа» [там же, с. 424].

Юмор Гоголя и юмор Заточника, считает Шевырёв, «есть юмор светлоразумный и глубоколюбящий: этими чертами должно отличить его от того ложного юмора, который у нас теперь нередко встречается в словесности, и который вовсе чужд любви» [там же]. Имеется в виду сатирический юмор писателей-западников, против которых постоянно выступал Шевырёв. Понятие «юмор» у Шевырёва аналогично тому, что называется смехом.

С.С. Аверинцев в статье «Бахтин, смех, христианская культура» (1988) рассматривает средневековый смех: «В своем воплощении Христос добровольно ограничивает свою свободу, но не расширяет ее; расширять ее некуда. Поэтому предание, согласно которому Христос никогда не смеялся, с точки зрения философии смеха представляется достаточно логичным и убедительным. В точке абсолютной свободы смех невозможен, ибо излишен. Иное дело – юмор. Если смеховой экстаз соответствует освобождению, юмор соответствует суверенному пользованию свободой» [1, с. 5].

Иронию, смех Шевырёв находит и в «Слове о полку Игореве», проникнутом горем раздробленной, растерзанной земли Русской. Однако и тут, в самом темном месте иносказательно выражается комическая ирония. Говоря о разделении знамен на Рюриковы и Давидовы, автор «Слова...» «осуждает безумие враждующих

между собою князей, намекая на животных, которые носят рога, признак силы, а сами хвостами виляют (но рожи нося им, хоботы пашут)» [12, № 3, с. 374]. Эти слова (строка 430) перед плачем Ярославны имеют весьма разные интерпретации. В переводе В.А. Жуковского (1817–1819): «нося на рогах ихъ волы нынѣ землю пашутъ» [7, с. 474]. Иное читаем в переводе Д.С. Лихачёва: «но врозь их знамена развеваются. Копья поют» [8, с. 209].

В песнях и былинах, собранных сибирским козаком Киршею Даниловым, образец смешного есть *глупый Дурень. Он гуляет по Руси, чтобы людей посмотреть и себя показать. Глупое соединяется со смешным, но еще не достигает комического*. Пословицы русские то же для автора комедии, что мотивы народных мелодий для композитора оперы. Шевырѣв особенно отмечает те пословицы, которые характеризуют дурачество, а их довольно много. Все отличаются необыкновенною меткостью и силою: «В дураке и Царь не волен!», а по другому варианту: «В дураке и Бог не волен!». – «Дураку закон не писан» – «Дурак времени не знает» – «Дурак в воду кинет камень, а десять умных не вытащут» – «Дурак дурака дураком и погоняет» – «Заставь дурака Богу молиться, он рад и лоб разбить» [12, № 3, с. 374–375]. Таких пословиц против дурачества бесчисленное множество – и в каждой из них заключена *комедия*. Пословица русская позволяет смеяться над грехами: «Грехи чинят смехи», – говорит она, но не тогда, когда смеяться уже поздно.

Народную смеховую культуру исследовал М.М. Бахтин в книге «Творчество Франсуа Рабле...» (М.: Худож. лит., 1965). После работы М.М. Бахтина онтологическое понятие «смех» изменило свое значение. О его книге писал С.С. Аверинцев: «Основная категория книги – “народная смеховая культура” или, проще, короче и одновременно шире, – “смех”. Речь идет об одной из универсалий человеческой природы. Это явление, однако, по-разному окрашено в различных культурах, и самое слово “смех” приобретает в несхожих языках то одни, то другие коннотации» [2, с. 341].

Затем смех в литературе как проблема был обстоятельно рассмотрен в труде Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко («Смех в Древней Руси». Л.: Наука, 1984). Впервые тема смеха в Древней Руси прозвучала в статье С.П. Шевырѣва «Теория смешного, с применением к русской комедии» (1851) и в его книге «Ис-

тория русской словесности» (1846–1860). В этой книге проблема смеха проходит как одна из постоянных черт древнерусской и новой русской литературы. В примечании к первой главе Шевырѐв вспоминает пример смеха в древнерусской рукописи: «В послании игумена Елеазарова монастыря Памфила к наместнику Псковскому и властям описывается праздник Купалы, который во Пскове народ совершал в ночь на Рождество Иоанна Предтечи: “Егда бо приходит велий праздник день Рождества Предтечева, и тогда во святую ту нош, мало не весь град възмятется и възбесится, бубны и сопели, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием и плясанием, и того ради двинется и всяка възстанет неприязненная угодиа, яко в поругание и в бесчестие Рождеству Предтечеву, и в посмех и в поругание и в коризну дни его”» [13, с. 116].

В статье о смешном Шевырѐв обращается к иронии Ивана Грозного, который вмещал в себе многие черты русского характера. «Он одарен был в высшей степени комическою иронией, которую обнаружил в своем сатирическом послании в Кирилло-Белозерскую обитель, направленном против злоупотреблений монастырской жизни» [12, № 3, с. 375]. Но страстная натура Иоаннова мешала ему владеть этою ирониею хладнокровно. Она раздражительна, как сам Иоанн. В том же примечании к первой главе «Истории русской словесности» Шевырѐв отмечает, что в Стоглаве (вопрос 16) царь Иоанн Грозный предлагает духовному собору: «В мирских свадьбах играют глумотворцы, и органники, и смехотворцы, и гуселники, и бесовские песни поют» [13, с. 117].

Рассматривая русский комический язык, созданный Фонвизным, Шевырѐв приходит к выводу о смешном: «Смех, производимый на нас языком комическим, есть тайна силы гениального комика: это чудное сочетание сердца и разума, их взаимный отзыв друг другу, столько редкий в человеке, и совершающийся не без внутренней боли о том, что подает повод к их значительному совпадению» [12, № 3, с. 378].

В трудах Шевырѐва то, что позднее обозначалось бахтинским понятием смеха, выражалось словом «смешное». Отсюда и название его статьи «Теория смешного, с применением к русской комедии». Все русские комедии, Фонвизина, Грибоедова и Гоголя, он рассматривает как явления смешного. В каждой комедии при-

существует смешное, как неизбежное проявление жанра. Шевырёв отмечает, что язык идеальной комедии в современниках Фонвизина устарел. Язык лиц, преданных им осмеянию, не стареет никогда. «Язык комедии, как бы ни были низки ее лица, не должен никогда впадать в какую-то особенность условности, в тесноту афеньской речи, которую французы называют *argot*. Вот недостаток, которого всегда избегали у нас гениальные комики. Язык Фон-Визинских лиц, самых ничтожных, общ» [12, № 3, с. 379].

Повторяя известную истину, что положительные герои бледнеют, теряют свою художественную убедительность перед героями комическими, Шевырёв обращается к античному наследию. «Самый Стародум, так удачно сравненный у Князя Вяземского с хором древней трагедии, или с парабазою Аристофановской комедии, в которой предводитель хора обращался к зрителям от лица автора, – самый Стародум, оживленный более чем другие лица, не спасается от искушений этого нетерпения, которое весьма естественно в зрителе. Стихия комедии – хохот над глупостью человеческою» [там же, с. 382]. Грибоедов понял это – и уклонился от недостатка. Чацкий далек от идеала совершенства. Сначала он слишком много жертв приносит обществу, а «потом слишком резко на него нападает» [там же, с. 383].

Статью о роли комического Шевырёв завершает верой в будущее русской комедии. Комические дарования никогда не иссякают в России, держатся в свойствах самого народа. В добром, веселом смехе комедий развивается светлый разум русского народа. Такой подход естественно противостоит советской трактовке рассматривать все великие комедии начала XIX в. как сатирические произведения, обличающие действительность. Такова многозначность природы русской классической литературы, отличающая ее существенным образом от так называемого критического реализма литературы Запада.

И в конце одно личное воспоминание. Шевырёв пишет: «Нет ни одного, конечно, города в России, который бы принял “Ревизора” на свой счет» [там же, с. 381]. В детстве, до войны, я проводил лето в маленьком городке Сердобске Пензенской области у тетушки Валентины Разумовой, детского врача, награжденной орденом Ленина. Она говорила мне, как общепринятое, что действие комедии Гоголя происходило именно в их городе. И как дока-

зательство того приводились слова Городничего: «Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». Но имеются и более веские доказательства. Хлестаков едет из Пензы, где проигрался пехотному капитану, в собственную деревню Саратовской губернии. И город Сердобск действительно находится между этими географическими пунктами. Добрый смех Гоголя воспринимался как подтверждение собственного присутствия.

Список литературы

1. *Аверинцев С.* Бахтин, смех, христианская культура. URL: http://classica.rhga.ru/upload/iblock/f9f/26_ (дата обращения: 05.09.2021).
2. *Аверинцев С.* Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М., РГГУ, 1993. С. 341–345.
3. *Аристотель.* Об искусстве поэзии / ред. перевода Ф.А. Петровский. М.: Худож. лит., 1957. 184 с.
4. *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. 458 с.
5. *Гоббс У.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 05.09.2021).
6. *Гоббс У.* Трактат о человеческой природе. Гл. IX. § 13. Смех. URL: [https://vlab.wikia.org/ru/wiki_\(1640\)?action=edit](https://vlab.wikia.org/ru/wiki_(1640)?action=edit) (дата обращения: 05.09.2021).
7. *Гоголь Н.В.* Полное собр. соч. и писем: в 17 т. Москва; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 3–4. 688 с.
8. *Жан Поль.* Приготовительная школа эстетики. URL: https://www.100best-books.ru/files/Jean_Paul_Prigotovitelnaya_shkola_estetiki.pdf (дата обращения: 05.09.2021).
9. *Жуковский В.А.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1956. 848 с.
10. «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М.: Худож. лит., 1969. 800 с.
11. *Кант И.* Критика способности суждения. URL: <https://fil.wikireading.ru/23600> (дата обращения: 05.09.2021).
12. *Шевырёв С.П.* Теория смешного, с применением к русской комедии // Москвитянин. 1851. Ч. 1. № 1. С. 106–120; № 3. С. 373–385.
13. *Шевырёв С.П.* Полное собрание литературно-критических трудов: в 7 т. СПб.: Росток. 2022. Т. 4. Кн. 1. 562 с

References

1. Averintsev, S. “Bakhtin, smekh, khristianskaya kul'tura” [“Bachtin, Laugh, Christian Culture”]. Available at: <http://classica.rhga.ru/upload/iblock/f9f/26> (date of access: 05.09.2021). (In Russ.)
2. Averintsev, S. “Bakhtin i russkoe otnoshenie k smekhu” [“Bachtin and Russian View on Laugh”]. *Ot mifa k literature: Sbornik v chest' 75-letiya E.M. Meletinskogo* [From Myth to Literature. Collection for 75 years of E.M. Meletinski]. Moscow, RGGU Publ., 1993, pp. 341–345. (In Russ.)
3. Aristotle. *Ob iskusvte poezii* [Ars Poetica], ed. F.A. Petrovskii. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1957, 184 p. (In Russ.)
4. Vyazemskii, P.A. *Ehstetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and Literary Criticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984, 458 p. (In Russ.)
5. Hobbes, T. *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva* [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiasticall and Civil]. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (date of access: 05.09.2021). (In Russ.)
6. Hobbes, T. *Traktat o chelovecheskoi prirode* [Treatise on Human Nature]. Available at: [https://vlab.wikia.org/ru/wiki_\(1640\)?action=edit](https://vlab.wikia.org/ru/wiki_(1640)?action=edit) (date of access: 05.09.2021). (In Russ.)
7. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [The Complete Works and Letters]: in 17 vols. Moscow; Kiev, Izdatelstvo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 2009. Vol. 3–4. 688 p. (In Russ.)
8. Jean Paul. *Prigotovitel'naya shkola ehstetiki* [Introduction to Aesthetics]. Available at: https://www.100bestbooks.ru/files/Jean_Paul_Prigotovitel'naya_shkola_estetiki.pdf (date of access: 05.09.2021). (In Russ.)
9. Zhukovskii, V.A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Sovyetskii pisatel' Publ., 1956, 848 p. (In Russ.)
10. “Izbornik” (Sbornik proizvedenii literaturny Drevnei Rusi) [“Selection” (Anthology of Old Russian Literature)]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969, 800 p. (In Russ.)
11. Kant, I. *Kritika sposobnosti suzheniya* [Critique of Judgement]. Available at: <https://fil.wikireading.ru/23600> (date of access: 05.09.2021). (In Russ.)
12. Shevyrev, S.P. “Teoriya smeshnogo, s primeneniem k russkoi komedii” [“The Theory of the Ridiculous as Applied to Russian Comedy”]. *Moskvityanin*, no. 1, 1851, pp. 106–120; no. 3, pp. 373–385. (In Russ.)
13. Shevyrev, S.P. *Polnoye sobranie literaturno-kriticheskikh trudov* [Complete Critical Works]: in 7 vols. St Petersburg, Rostok Publ., 2022. Vol. 4, book 1, 562 p. (In Russ.)